

М.К. Чуркин
Н.И. Чуркина*

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ
И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ
В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ РОССИИ
КОНЦА XX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-9
УДК 930

Выходные данные для цитирования:

Чуркин М.К., Чуркина Н.И. Профессиональное сообщество историков и репрезентация исторических знаний в публичной сфере России конца XX – первой четверти XXI века // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 117–124. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-09.pdf>

M.K. Churkin
N.I. Churkina

PROFESSIONAL COMMUNITY OF HISTORIANS
AND REPRESENTATION OF HISTORICAL KNOWLEDGE
OF THE PUBLIC SPHERE IN RUSSIA
IN THE LATE 20TH – FIRST QUARTER OF THE 21TH CENTURY

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-9

How to cite:

Churkin M.K., Churkina N.I. Professional Community of Historians and Representation of Historical Knowledge of the Public Sphere in Russia in the Late 20th – First Quarter of the 21th Century // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 117–124. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-09.pdf>]

Abstract. The work, based on the concept of the public sphere and the theory of communicative action of J. Habermas, identifies the factors and conditions accompanying the representation of historical knowledge in Russia in the public space of the late 20th – first quarter of the 21st centuries. In the process of research, the historical and cultural circumstances of the formation of the bourgeois public sphere and the institutionalization of public history as an important episode of the era of the anthropological turn in the humanities are identified. Similarities, differences and triggers for the formation of the public sphere and its evolution as a “territory” of historical enlightenment in Russia and its regions are revealed. It is suggested that the authoritarian model of organizing public space determined the choice of stories of historical reality, forms and tools of communication of the scientific and educational community and actors of heritage institutions with potential consumers of historical knowledge, broadcast to the broad masses. It has been established that the authoritarian public sphere creates favorable preconditions for supporting the government through the indoctrination of significant events of national history, carried out by public quasi-historical associations affiliated with the state, focusing on the construction of national and regional identities demanded by the political situation, through the approval of commemorations approved by the state and regions. The nationalization of the public sphere is manifested in the correction of the context of the activities of traditional heritage institutions (museums and libraries), the format and practices of popularization work, which manifests itself in a situation of limited potential for dialogue between these institutions and society and minimizes the effect of their educational efforts. The split in the scientific and educational community, which occurred due to sociocultural and generational reasons, during the period under study significantly limits the ability of the corporation of scientists to implement educational practices and creates

* **Михаил Константинович Чуркин**, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия; Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук, Тобольск, Россия, e-mail: proffchurkin@yandex.ru

Mikhail Konstantinovich Churkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia; Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russia, e-mail: proffchurkin@yandex.ru

Наталья Ивановна Чуркина, доктор педагогических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия, e-mail: n_churkina@mail.ru

Nataliya Ivanovna Churkina, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia, e-mail: n_churkina@mail.ru

objective obstacles to various forms of collaboration in the dissemination and popularization of historical knowledge.

Keywords: public sphere, public history, historical knowledge, representations, heritage institutions, scientific and educational community.

The article has been received by the editor on 01.07.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В работе с опорой на концепцию публичной сферы и теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса выявляются факторы и условия, сопутствующие репрезентации исторических знаний в России в публичном пространстве конца XX – первой четверти XXI в. В процессе исследования обозначены историко-культурные обстоятельства становления буржуазной публичной сферы и институционализации публичной истории как важного эпизода эпохи антропологического поворота в гуманитарном знании. Выявлены сходства, различия и триггеры формирования публичной сферы и ее эволюции как «территории» исторического просветительства в России и ее регионах. Высказано предположение, что авторитарная модель организации публичного пространства определила выбор транслируемых в широкие массы сюжетов исторической реальности, форм и инструментов коммуникации научно-образовательного сообщества и акторов институтов наследия с потенциальными потребителями исторических знаний. Установлено, что авторитарная публичная сфера создает благоприятные предпосылки для поддержки власти путем индоктринации знаковых событий отечественной истории, осуществляемой аффилированными с государством общественными квазиисторическими объединениями, акцентирующими внимание на конструировании востребованной политической конъюнктуры национальной и региональной идентичности, посредством одобряемых государством и регионами утверждений и коммемораций. Огосударствление публичной сферы предметно проявляется в коррекции контекста деятельности традиционных институтов наследия (музеев и библиотек), формата и практик популяризаторской работы, что проявляется в ситуации ограниченности потенциала диалога этих учреждений с социумом и сводит к минимуму эффект их просветительских усилий. Раскол в научно-образовательном сообществе, произошедший в силу социокультурных и поколенческих оснований, в исследуемый период значительно ограничивает возможности корпорации ученых в реализации просветительских практик, создает объективные препятствия к различным формам коллаборации в деле распространения и популяризации исторических знаний.

Ключевые слова: публичная сфера, публичная история, историческое знание, репрезентации, институты наследия, научно-образовательное сообщество.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024 г.

Выявление факторов и условий репрезентации исторических знаний в России в конце XX – первой четверти XXI столетия, как центральный сюжет настоящего исследования, неразрывно связано с осмыслением институционализации публичной истории как направления гуманитаристики и средства широкоформатной презентации исторической реальности в западной исторической науке 1970-х гг. Атмосферным фоном становления и тиражирования публичности в европейском мире и США стали знаковые изменения в общественных настроениях и гуманитарном знании, наметившиеся после Второй мировой войны (1939–

1945 гг.), ход и итоги которой не только предоставили обширный материал для философского и историографического анализа, но и в значительной мере скорректировали «ремесло» историков, переориентировав научное сообщество от создания масштабных фактологических нарративов к микроисторическим сюжетам и структурам повседневности, что органично вписывалось во временной идеологический тренд западных демократий поствоенного времени: проработка прошлого и возвращение в историю «маленького человека». Формальным поводом к подобным призывам стал феномен массового признания немецким бюргерством и итальянским народом фашистской идеологии и поддержки национал-социалистических режимов. Одной из распространенных тем немецкой микроистории («истории снизу») стало изучение повседневных практик и социальной культуры трудящихся масс, в разработку которой первоначально включились историки-непрофессионалы («босоногие историки»). Им на основе интервью, как с представителями рабочего класса Германии, так и с участниками молодежных фашистских формирований, удалось собрать богатейший пласт микроисторических материалов. На основании собранных данных профессиональные исследователи (Л. Нитхаммер, М. Клаус) сделали ряд фундаментальных выводов о природе фашистской идеологии, причинах архаизации сознания населения, что, с одной стороны, серьезным образом видоизменило черно-белую картину представлений о фашизме в научном сообществе, с другой – включило в дискуссии на злободневные темы современной истории группы народонаселения, ранее не вовлеченные в исторические дискурсы.

Представители итальянской микроистории манифестировали стремление к изучению внутреннего мира человека, аспектов его социального опыта, критикуя предшествующую историографическую традицию за схематизм и погоню за объективностью¹, что в значительной степени освобождало языковые приемы историописания от сциентистской лексики и способствовало тиражированию исторических знаний в широкие слои населения.

В России распространение исторических знаний и интерес к публичной истории наметились в конце XIX – начале XX в., когда возникло осознание различий между академическим и популярным форматом исторического знания, что выразилось в просветительской деятельности университетских профессоров (В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, Р.Ю. Виппер), существенно ограниченной после 1917 г.

Восстановление практик просветительской деятельности научной общественности произошло только в 1947 г., когда было создано Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, которое с 1963 г. стало называться общество «Знание». Д.А. Пинаева указывает на то, что создание такой массовой организации позволяло решать две задачи: «распространение новых знаний, формирование позитивного облика советской (российской) науки, а также осуществление контроля над беспартийной в большинстве своем интеллигенцией»². За почти пятидесятилетнюю историю общество накопило разнообразные практики просветительно-пропагандистской деятельности, к которой относились не только лектории, но и издание брошюр, выпуск научно-популярных фильмов, журналов («Наука и жизнь», «Техника – молодежи» и др.), периодических сборников, поддержка народных университетов и др. Но к 1980-м гг., параллельно с увеличением количества отделений, интерес к его деятельности со стороны населения стал снижаться. В качестве причин такой ситуации отмечают низкую квалификацию лекторов, формализм в работе, изменение научно-популярной риторики на пропагандистскую.

Новый «всплеск» публичности истории в нашей стране совпал с демократизацией публичной сферы в конце XX в., когда коммуникации историков выстраивались в большей степени в формате не публичной, а «площадной» истории, поскольку произошло резкое сужение спектра исторических сюжетов, среди которых в приоритете оказались «травмати-

¹ Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000.

² Пинаева Д.А. «Помни: нужно много знать, чтобы стране полезным стать!»: о некоторых проблемах популяризации науки в СССР (на примере деятельности Всесоюзного Общества «Знание») // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 108–118.

ческие» истории советского времени, в трансляции которых решающее место принадлежало не академической науке, а публицистике и «желтой» прессе.

В целом можно говорить, что на рубеже XX–XXI вв. в отечественном общественно-политическом дискурсе центральное место занимает проблема организации и функционирования публичного пространства, переживающего в постсоветский период показательные трансформации. Дистиллированно происходящие перемены в публичном поле можно обозначить как движение от монополии официальной идеологии к идейному плюрализму с последующей реверсивностью: купированию публичности и внедрению имитационных форм и инструментов репрезентации общественного мнения.

Какими бы ни были различия в предлагаемых концепциях публичной сферы, от понимания таковой как прямого взаимодействия индивидов по алгоритму греческой агоры в разработках Х. Арендт³ до концептуализации публичности как внеличностного феномена, «площадки» коммуникации и обмена информацией и мнениями в трудах Ю. Хабермаса⁴, всех авторов объединяет одно: публичная сфера предполагает расположенность ее акторов к открытой дискуссии, критике власти, гласности и независимости от экономических интересов и политических манипуляций.

Не считая целесообразным перечисление всех форм и значимых акций, связанных с популяризацией исторического контента в максимально широких публичных рамках, полагаем важным маркировать сложившуюся ситуацию в публичной сфере России и ее регионов как виртуальное пространство формирования общественного мнения, конструирования и переопределения социокультурных идентичностей⁵ именно в аспекте коммуникативной деятельности сообществ, так или иначе ощущающих свою ответственность за распространение исторических знаний как части просветительского проекта, итоговой задачей которого является построение гражданского общества.

В этой связи необходимо констатировать, что классическая модель публичной сферы, фиксирующая участие активных граждан в общественно-политических дискуссиях, учитывающих присутствие и мнение *другого*, находится за рамками представлений о пространстве публичного дискурса в современной России. Тем не менее несоответствие отечественных реалий классическим образцам и теориям не отменяет самого факта существования публичной сферы с присущей ей дискуссионностью, хотя и организованной в авторитарном стиле, что неизбежно влечет за собой ограничения аргументации и критичности дискурса⁶. Ю. Хабермас, рассуждая о эволюции социальной структуры буржуазной публичной сферы, отмечает неизбежность ее заадминистрирования и огосударствления, происходящего в результате пересечения публичного и частного пространств, при этом «публика как таковая вовлекается в этот круговорот власти лишь спорадически, да и тогда только ради выражения всеобщего одобрения»⁷. В условиях авторитарной публичной сферы подобный процесс развивается ураганно и выражается в массированном «десанте» в нее аффилированных с государством общественных организаций, ответственных за доступность и понятность истории⁸, а также обеспечение возможности профессионалам и любителям истории «встраиваться в федеральную повестку»⁹.

³ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.

⁴ Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016.

⁵ Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2007. № 1. С. 3.

⁶ Hasmath R. Дискурс, дискуссия и различия в авторитарной публичной сфере (Discourse, Deliberation and Difference in an Authoritarian Public Sphere) [Электронный ресурс] // Journal of Deliberative Democracy. 2023. № 19 (1). С. 1–2. URL: <https://ssrn.com/abstract=4494902> (дата обращения: 20.05.2024).

⁷ Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016. С. 248.

⁸ Черненко Е.В. О заседании Омского отделения российского исторического общества 24 сентября 2023 г. // Исторические науки в Омске. 2023. Вып. 2 (10). С. 3–4.

⁹ Российское историческое общество (Томское отделение) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tomsk.kp.ru/online/news/5235608/> (дата обращения: 11.06.2024).

Формула М. Фуко «надзирать и наказывать» в текущей ситуации реализуется пока только в первой ее фазе, что наглядно выражено в тематике проектов российского исторического общества (РИО), озвученных на заседании его Омского отделения 24 сентября 2023 г., которые можно интерпретировать и как определенный вектор в практиках распространения исторических знаний. В эпицентре тематического спектра располагаются сюжеты, ответственные за конструирование региональной идентичности как части общероссийской посредством утверждений максимально комфортных для государства и региона коммемораций: вклад Омска в развитие космической сферы, «Город и война», петровские реформы¹⁰, с привязкой аполитичных тем популярной археологии, призванных выполнить функцию симулякра публичности.

Важным следствием огосударствления публичной сферы репрезентации исторических знаний является измененный контекст деятельности традиционных институтов наследия (музеев и библиотек), формата и содержания их просветительской и популяризаторской работы. Безусловно, музеи и библиотеки как «площадки» и каналы трансляции исторических представлений выполняют важные просветительские задачи, функционируя как сложившееся и динамичное пространство публичной истории. Конференции, «круглые столы», публичные лектории в сочетании с классическими формами деятельности способствуют выстраиванию формально успешной многосторонней коммуникации с различными категориями посетителей по многим сюжетам и аспектам исторической реальности, в том числе региональной истории. Вместе с тем авторитарность публичной сферы априори задает ситуацию ограниченности потенциала диалога этих учреждений с социумом и сводит к минимуму эффект просветительских усилий, что во многом объясняется памятью музейного и библиотечного сообществ о кризисных периодах функционирования отечественных институтов наследия на стыке столетий, которая в XXI в. преобразовалась в веру о плодотворности государственной финансовой поддержки, предполагающей последовательное соответствие музейной политики и практики установленному идейному канону и государственному коммеморативному курсу. Томислав Шола, комментируя онтологический кризис музейного дела на рубеже XX–XXI вв., отметил вполне закономерную склонность учреждений сферы наследия выражать интересы и настроения доминирующих групп, поскольку попытки кураторов мыслить в категориях общественного предназначения моментально ставят их в оппозицию к властям, которые представляют доминирующую систему ценностей¹¹. По мнению ученого, соучастие в социальном и политическом манипулировании объективно уводит институты наследия от их природного курса – быть самостоятельным инструментом обеспечения достоверного опыта, что предметно выражено не только в одиозных и однонаправленных практиках распространения исторических (чаще всего краеведческих) знаний, но и подкрепляется консервативным стандартом восприятия институтов наследия в широкой публике. Стоит заметить, что такое потребительское отношение к продукции институтов наследия, в том числе и в историко-краеведческом контенте, вызывает позитивную реакцию у истинных владельцев музейной среды и «охранителей» публичного пространства, поскольку они обладают политическим ресурсом манипуляции исторической реальностью, «трансформируя свои интересы в общественные ценности»¹².

Не менее существенной проблемой, влияющей на процесс репрезентации исторических знаний в широком публичном поле, является ситуация в научном сообществе России. Необходимо отметить, что деятельность профессиональной корпорации историков априори подчинена современной социокультурной и политической ситуации, так или иначе реагирующей на стремление власти к самовоспроизводству с опорой на риторику о «связи времен».

Существует распространенное мнение, согласно которому представители академической сферы, включая научных работников образования, крайне осторожно относятся

¹⁰ Черненко Е.В. О заседании Омского отделения российского исторического общества... С. 4.

¹¹ Шола Т. Вечность здесь больше не живет. Толковый словарь музейных грехов. Тула, 2013. С. 292.

¹² Там же. С. 34.

к вовлечению в просветительские проекты публичной истории¹³. Это верно лишь в той части, которая охватывает поле неравнозначной конкуренции истории как область научного познания и исторической политики, направленную к выборочности исторических событий и последующей их индоктринации. Очевидно, что, начиная с 2000-х гг., территория публичной истории значительно сократилась в связи с резкой актуализацией вопросов исторической памяти, ставшей областью государственного регулирования, а публичная сфера стала конструироваться в авторитарной системе координат. По констатации А.И. Миллера, если публичной истории необходимо пространство для диалога, то историческая политика, напротив, его уничтожает¹⁴.

Тектонический раскол в научном сообществе имел не только социокультурные, но и поколенческие основания. Процесс огосударствления исторического знания и формализации научной деятельности сообщества историков в конце XX – начале XXI в. в широком программном смысле стал следствием консолидации поколения российских беби-бумеров (1943–1950-е годы рождения). Социокультурная и политическая идентичность данной когорты оформилась в активном участии в государственной деятельности в конце 1990-х – 2000-х гг. и выразилась в тотальном доминировании в научно-образовательной и административно-управленческой сферах. Представители поколенческого сообщества беби-бумеров, реализуя карьерные амбиции в разных областях, в том числе в сфере исторического образования, приняли активное участие в конструировании максимально комфортного для власти образа великой и героической истории России, формировавшейся в условиях форсированной модернизации и враждебного внешнего окружения, который оказался востребован и обществом традиции (ресентимента), вызвав отклик у значительной части последующих поколений историков¹⁵.

Активное вмешательство государства в сферу прочтения и интерпретации прошлого «сломали» позитивные тенденции в методологическом обновлении исторического знания, наметившиеся в конце XX в., и привели к дальнейшему расслоению научного сообщества и ползучему процессу позитивистского «ренессанса» в российской историографии. Это косвенно подтверждается обширным корпусом диссертационных исследований, в которых превалирует описательно-повествовательный подход, а заявления авторов об инструментальной новизне и внедрении исследовательских практик эпохи «поворотов» носят по преимуществу декларативный характер. Становится очевидным и то, что усиливающийся разлом в сообществе историков является объективным препятствием для конструктивной просветительской деятельности историков в публичном пространстве, поскольку мобилизация только лояльных к власти сегментов научно-образовательной корпорации в публичную сферу репрезентации исторических знаний, во-первых, исключает любую диалогичность и свободу интерпретации исторической реальности, а во-вторых, порождает тенденцию к упрощению и выхолащиванию исследовательских практик, вошедших в арсенал отечественных исследователей на рубеже XX–XXI вв. Использование исторических и историко-краеведческих сюжетов в утилитарных целях конструирования исключительно позитивного образа прошлого страны, отдельных ее регионов и региональной идентичности как сугубо политической способствует формированию популистского режима восприятия прошлого, в том числе локально-регионального, как торжества имперского чувства и национальной исключительности.

¹³ Степанов Б. «Мы переживаем всплеск массового интереса к краеведению, в том числе у разных молодежных групп» [Электронный ресурс]. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/155313-boris-stepanov-o-fenomene-rossiyskogo-kraevedeniya> (дата обращения: 22.05.2024).

¹⁴ Миллер А. Историческая политика в Восточной Европе // Историческая политика в XXI в. М., 2012. С. 23.

¹⁵ Чуркин М.К. Научное сообщество российских историков в начале XXI века: обновление или позитивистский ренессанс? // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему: мат-лы V Всерос. науч. конф. (Омск, 16 ноября 2023 г.). Омск, 2023. С. 36.

В целом специфика репрезентации историко-краеведческих знаний в России и на региональном уровне конца XX – начала XXI в. атмосферно и содержательно определяется авторитарным форматом публичной сферы, в рамках которой деятельность ее акторов – институтов наследия и научно-образовательного сообщества – разворачивается в двух сценарных вариантах: «внеаходимости» и выпадении из социальной реальности с четким обозначением нейтральной либо незаинтересованной позиции или равнении на политическую ситуацию и ложные элиты, использующие знания и их носителей в идеологических целях.

Литература

- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
- Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
- Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2007. № 1. С. 6–21.
- Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе // Историческая политика в XXI в. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32.
- Пинаева Д.А. «Помни: нужно много знать, чтобы стране полезным стать!»: о некоторых проблемах популяризации науки в СССР (на примере деятельности Всесоюзного Общества «Знание») // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 420. С. 108–118.
- Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016. 344 с.
- Чуркин М.К. Научное сообщество российских историков в начале XXI века: обновление или позитивистский ренессанс? // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему: материалы V Всерос. науч. конф. (Омск, 16 ноября 2023 г.). Омск: ОмГПУ, 2023. С. 24–36.
- Шола Т. Вечность здесь больше не живет. Толковый словарь музейных грехов. Тула: Ясная Поляна, 2013. 360 с.
- Hasmath R. Дискурс, дискуссия и различия в авторитарной публичной сфере (Discourse, Deliberation and Difference in an Authoritarian Public Sphere) [Электронный ресурс] // Journal of Deliberative Democracy. 2023. № 19 (1). С. 1–10. URL: <https://ssrn.com/abstract=4494902> (дата обращения: 20.05.2024).

References

- Arendt, H. (1996). *Istoki totalitarizma* [Origins of Totalitarianism]. Moscow, CentrKom. 672 p.
- Churkin, M.K. (2023). Nauchnoe soobshchestvo rossiyskih istorikov v nachale XXI veka: obnovenie ili pozitivistskiy renessans? [The Scientific Community of Russian Historians at the Beginning of the 21st Century: Renewal or Positivist Renaissance?]. In *Poznanie i deyatel'nost': ot proshlogo k nastoyashchemu: Materialy V Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Omsk, 16 noyabrya 2023 goda)*. Omsk, OmGPU, pp. 24–36.
- Ginzburg, K. (2000). *Syr i chervi. Kartina mira odnogo mel'nika, zhivshego v XVI v.* [Cheese and Worms. A Picture of the World of one Miller Who Lived in the 16th Century]. Moscow, ROSSPEN. 272 p.
- Hasmath, R. (2023). Diskurs, diskussiya i razlichiya v avtoritarnoy publichnoy sfere [Discourse, Deliberation and Difference in an Authoritarian Public Sphere]. In *Journal of Deliberative Democracy*. No. 19 (1), pp. 1–10. Available at: URL: <https://ssrn.com/abstract=4494902> (accessed 20.05.2024).
- Khabermas, Y. (2016). *Strukturnoe izmenenie publichnoy sfery. Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuznogo obshchestva* [Structural Change in the Public Sphere. Research on the Category of Bourgeois Society]. Moscow, Ves' mir. 344 p.
- Malinova, O.Y. (2007). Ideologicheskiy plyuralizm i transformatsiya publichnoy sfery v postsovetskoy Rossii [Ideological Pluralism and Transformation of the Public Sphere in Post-Soviet Russia]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 6–21.

Miller, A.I. (2012). Istoricheskaya politika v Vostochnoy Evrope [Historical Politics in Eastern Europe]. In *Istoricheskaya politika v XXI v.* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 7–32.

Pinaeva, D.A. (2017). “Pomni: nuzhno mnogo znat’, chtoby strane poleznym stat’!”: o nekotorykh problemakh populyarizatsii nauki v SSSR (na primere deyatel’nosti Vsesoyuznogo Obshchestva “Znanie”) [“Remember: You Need to Know a Lot in Order to Become Useful to the Country!”: About Some Problems of Popularizing Science in the USSR (On the Example of the Activities of the All-Union Society “Knowledge”)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 420, pp. 108–118.

Shola, T. (2013). *Vechnost’ zdes’ bol’she ne zhivet. Tolkovyy slovar’ muzeynykh grekhov* [Eternity No Longer Lives Here. Explanatory Dictionary of Museum Sins]. Tula, Yasnaya Polyana. 360 p.